

формации. По материалам исследования опубликовано четыре учебных пособия для студентов университета, две научно-популярные книги, четыре статьи в сборниках «В помощь учителю коми языка и литературы».

Автор использует описательный и сравнительно-сопоставительный методы. Он не ограничивается примерами из пермских языков, а широко оперирует материалом из родственных финно-угорских и самодийских языков, генетические формы которых иногда обнаруживают соответствующие стилистические функции. Дается толкование терминов (с. 5—6), что является демонстрацией научного аппарата исследования. Работа выглядела бы в более выигрышном свете, если бы указывалась и этимология термина.

В стилистической системе коми языка выделяются следующие функциональные разновидности: разговорно бытовая, литературно-художественная, учебно-научная и газетно-публицистическая (с. 20).

Описание стилистической окрашенности вариантных падежных форм, выражения синонимических отношений представлены в следующих параллелях: номинатив — адессив (с. 28—33), номинатив — элатив (с. 33), аккузатив — элатив (с. 33—34), аккузатив маркированный и немаркированный (с. 34—36), эгрессив — элатив (с. 38), инессив — элатив — иллатив (с. 41—43), посессивные формы (с. 44—52). Наиболее подробно описаны выразительные возможности изменяемых форм глагола.

Немало тонких наблюдений в разделе о наречиях (с. 201—217). Однако в выводах одно из положений не совсем ясно, по крайней мере для рецензента. Автор пи-

шет: «Примыкая к именам существительным, наречия выступают как экспрессивное средство для показа отношения говорящего к высказываемой мысли» (с. 217). Здесь можно высказать два замечания. Во-первых, показ (или выражение) отношения говорящего к высказываемой мысли — это функционально-семантическая категория модальности, в данном случае — субъективная модальность. Во-вторых, наречия могут выступать как одно из средств выражения модальности. Тогда они логически не увязываются с понятием «экспрессивное средство».

Общие замечания по работе. Оставляет желать лучшего стиль изложения материала. Не всегда ясно выражены мысли автора, подчас неточно построены конструкции, см. на с. 21, 217, 247, 279, 284 и др. Передки стилистические погрешности в сочетании слов, построений предложений — см. на с. 4, 20, 72, 224, 233, 287 и др.

Некоторые страницы производят впечатление компелятивной работы: избыток цитат и ссылок на источники (с. 16, 19, 21 и др.). Конечно, обойтись без ссылок невозможно, но их должно быть в меру. Не всегда адекватно используются латинские и греческие термины, в работе их слишком много (с. 78, 117, 134, 198 и др.). Встречаются и опечатки.

Высказанные замечания ни в коей мере не снижают ценности исследования. Работа в целом представляет большой научный интерес. Постановка и разрешение вопросов, связанных со стилистикой частей речи в коми языке, отвечает в целом требованиям времени.

Л. П. ВАСИКОВА (Йошкар-Ола)

<https://doi.org/10.3176/lu.1992.1.13>

СЕМИНАР, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПРОИСХОЖДЕНИЮ НАРОДОВ УРАЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

30 мая 1991 г. в Ижевске, в Удмуртском институте истории, языка и литературы Уральского отделения АН России прошел семинар «Проблемы происхождения народов уральской языковой семьи». К сожалению, многие из предполагаемых участников семинара не смогли приехать в Ижевск, поэтому часть докладов была представлена только в виде тезисов.

Открывая семинар, ученый секретарь института Л. А. Наговицын отметил, что исследование сложнейших комплексных проблем этногенеза и древнейшей истории уральских народов требует совместных усилий многих специалистов и поэтому необходим поиск новых форм работы, позволяющих эти усилия объединить. Выступивший выразил надежду, что прово-

димый семинар станет постоянно действующим.

Существенная часть докладов семинара была связана с проблемами лингвистики.

Р. Ш. Насибуллин (Ижевск) в докладе «О продолжительности и времени распада пермского языкового единства» отметил, что механизм контактов пермских и тюркских языков изучен недостаточно, а потому традиционная датировка времени распада пермской общности, данная Ю. Вихманном на основании наличия болгаризмов в коми языках, может и должна быть пересмотрена. Докладчик постулирует существование в раннебулгарское время своего рода диалектной непрерывности между северноудмуртскими и южнокоми говорами, в результате которой болгарские заимствования, проникавшие первоначально в южноудмуртские диалекты, свободно распространялись в пермском языковом континууме до крайнего севера. С XI века на юго-западных рубежах проживания коми появляются русские, и заимствования лексики культуры в коми язык идут из русского, препятствуя проникновению болгаризмов. Для предков коми-пермяков этот процесс начался позднее, поэтому болгаризмов в коми-пермяцком больше, чем в коми-зырянском. Позже аналогичная картина наблюдалась и в северных диалектах удмуртского языка, куда не доходили уже не болгарские, а татарские заимствования. Распад же пермского языкового единства представлял собой, видимо, весьма длительный процесс и, судя по степени расхождения коми и удмуртского языков, мог начаться задолго до появления первых тюрков в Волго-Камье.

Доклад В. В. Напольских (Ижевск) «Ихтионимические аргументы в определении уральской прародины» посвящен применению метода «лингвистической палеонтологии» в разрешении проблем уральской предыстории. Докладчик предложил отличать район, определяемый данным методом — праязыковый экологический ареал, т. е. район совместного обитания биологических видов, названия которых отражены в праязыке, от прародины — района реального обитания пранарода. Факт заимствования названий рыб бассейна Балтики (сёмга и угорь) в прибалтийско-финских языках из балтских свидетельствует,

по мнению докладчика, о том, что западная граница обитания финно-угров до первой половины II — середины I тыс. до н. э. проходила не западнее водораздела рек Волги и Балтики. Общеуральские названия лия, нельмы, стерляди и осетра позволяют исключить из прауральского экологического ареала европейские реки бассейна Северного Ледовитого океана и Обь ниже Северной Сосьвы, а также определить западную границу этого ареала на водоразделе рек бассейнов Волги и Балтики, а восточную — верхним течением Ангары. Возможность реконструкции прауральских названий для сиговых рыб свидетельствует о локализации прауральского экологического ареала восточнее Урала, а анализ распространения древних ихтионимов в различных уральских языках дает результаты, укладывающиеся в гипотезу о формировании прауральского ихтионимического фонда в бассейне Средней Оби — Нижнего Иртыша с последующим распространением уральских языков на запад, в основном по Каме—Волге—Оке и в северной части — по Вычегде—Сухоне.

Доклад А. Х. Халикова (Казань) состоял из двух частей: «К проблеме выделения урало-алтайской этнокультурной общности» и «Древние контакты уральских народов с неиндоевропейскими племенами». На основании известных данных о многочисленных языковых параллелях между уральскими и дравидийскими языками — в основном лексических, которые можно интерпретировать как весьма древние заимствования в уральских, докладчик счел возможным предположение об отнесении языка носителей абашевской культуры к дравидийским. Последовала оживленная дискуссия. С. В. Кузьминых (Москва) и В. В. Напольских оценили эту гипотезу как весьма оригинальную, но практически не имеющую реальных археологических и лингвистических культурно-исторических доказательств. Судя по характеру урало-дравидийских лексических сходжений и в свете работ Д. В. Мак-Альпина об эламо-дравидийском языковом родстве и дравидийской прародине представляется вполне реальной и достаточной гипотеза С. П. Толстова о родстве языка носителей кельтеминарской культуры и дравидийских.

Л. А. Наговицын представил доклад

«Проблемы выделения древних историко-этнографических общностей в Приуралье и Среднем Поволжье». Р. Д. Голдина (Ижевск) в докладе «Древние этнокультурные связи и периодизация культур эпохи железа Волго-Камья» проследила эволюцию археологических культур, оставленных предками пермских народов с ананьинского времени до позднего средневековья, и их контакты с инородными культурами. Доклад С. В. Кузьминых (Москва) «Становление и развитие бронзовой металлургии и древнейшие этнические процессы в Северной Евразии» был посвящен итогам многолетних исследований ранней металлургии Евразии в их применении к уральскому этногенезу. «Вераования древних народов Северной Евразии (по материалам могильника Костомукшское X)» — тема доклада А. П. Журавлева.

Ряд докладов, как было отмечено, не был прочитан, но представлен в виде тезисов. В. А. Иванов (Уфа) в сообщении «Существовала ли финно-угорская общность в Приуралье в эпоху раннего железа?» рассматривает ряд дискуссионных вопросов генезиса ананьинской культуры. А. К. Матвеев (Екатеринбург) в сообщении «Некоторые соображения относительно

уральской прародины», исходя из общеисторических, экологических, топонимических фактов, критикует гипотезу П. Хайду об уральской прародине на Северном Урале — между верхней Печорой и нижней Обью, считая, что первоначально уральские народы формировались в широкой полосе средней и (в основном) южной тайги между Средним Поволжьем и Алтае-Саянской горной страной. Ю. Янхунен (Хельсинки) в сообщении «Нганасаны и распад прасамодийской языковой общности» показывает, что обособленное положение нганасан среди других самодийцев по культуре может свидетельствовать о том, что их предки отделились от самодийской общности раньше других, а те языковые явления, которые традиционно расцениваются как свидетельства особой общности северносамодийских языков, в нганасанском объяснимы вторичными ареальными связями с ненецким и прежде всего с энецким языками. В то же время в нганасанском имеются инновации, противопоставляющие его всем другим самодийским, и напротив — некоторые общесамодийские инновации не охватывают нганасанский язык.

В. В. НАПОЛЬСКИХ (Ижевск)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ПО ЯЗЫКАМ НАРОДОВ СИБИРСКОГО СЕВЕРА

В последние несколько лет активизировалось внимание к различным аспектам национального вопроса в нашей стране. Среди других назревших дел крайне актуально исследование современного состояния народностей Сибирского Севера. Это необходимо, прежде всего, для обоснования общей концепции их социального и экономического развития в условиях научно-технического прогресса — ведь к настоящему времени для народностей Сибирского Севера стала насущной проблема «ревитализации», т. е. проблема национального оживления, возрождения (термин «ревитализация» вошел в практику этнографов и лингвистов в начале 80-х годов). Это легко объяснимо: крупные просчеты советской государственной национальной политики, коренные изменения в этнической ситуации, когда аборигенные народы

превратились в районах своего расселения в национальное меньшинство, недостаточная забота центральных и местных властей о сохранении их традиционной культуры и языка привели к тому, что самобытное развитие малочисленных народностей Севера оказалось под серьезной угрозой. Ученые-североведы в этих условиях могут предложить конкретные пути решения имеющихся проблем. В этом плане заметным явлением стал проведенный в Томском государственном педагогическом институте семинар.

В мае 1991 года впервые в Томске проводилось научно-практическое совещание такого масштаба: в нем приняли участие и зарубежные коллеги, ученые-лингвисты с мировым именем — В. Фезнкер (Гамбург, ФРГ) и Я. Пустая (Будапешт-Печ, Венгрия), и ведущие лингвисты, эт-